

А ВИТИНЪ.

ШВЕДЪ

(семейное слободское преданіе)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ НАЧАЛА XVIII ВѢКА

Изъ жизни старой Харьковщины

ХАРЬКОВЪ
Типографія Б. Бенгисъ Сумская, 38
1914

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

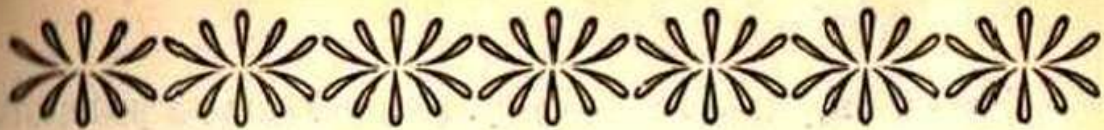
Основною этого разсказа послужили отголоски преданія, слышанные авторомъ въ юности.

Можетъ быть дѣло и не такъ происходило— какъ представляли себѣ простодушные хуторяне— а можетъ быть и напротивъ— память людская, не хуже писаннаго манускрипта— сохранили всѣ подробности.

Во всякомъ случаѣ авторъ постарался не затемнить всѣ тѣ крупицы истины, которыя сквозь мглу вѣковъ, въ изустныхъ преданіяхъ отъ поколѣнія до поколѣнія, освѣщаютъ давно минувшую эпоху.

Авторъ.

Въ зимовникѣ стараго Шульги было тихо и сонно.

Теплая ночь смѣнила жаркій іюльскій день и, изморенные дневнымъ зноемъ, отдыхали и люди и животныя.

Серпъ луны, по временамъ заслоняемый бѣгущими облаками, бросалъ мягкіе лучи и на сумрачную степь и на зимовникъ, пріютившійся между балками.

Сторожевымъ эту ночь—на „вартѣ“—стоялъ Омелько Кисланъ. Приладивъ, у заваленныхъ камнями воротъ зимовника, два заряженныхъ мушкета и прочно укрѣпивъ мѣдную затинную пицаль, Омелько прислонился къ каменной загородѣ и спокойно, почти неподвижно, наблюдалъ за окрестностями.

Глаза его были полузакрыты, но чуткое ухо сторожко ловило всякій звукъ.

Вдругъ онъ встрепенулся.

Въ степовой тишинѣ настороженному уху понудился какой то шумъ.

Ничего не слышно.

Но вотъ, гдѣ-то далеко, далеко снова раздался неясный звукъ.

Омелько впился глазами въ темную даль.

За дальней балкой еле слышный плачь—стонъ волковъ.

Ноумолчно трещать дергачи. Уныло свистнуль разъ другой—„ночная птица“—вивчарикъ.

Безшумно махая крыльями, мелькнула летучая мышь.

Гдѣ-то высоко комарь выводитъ тонкую трубную ноту.

Съ жужжаніемъ налетѣлъ хрущъ. Омелько досадливо отмахнулся рукой, „иди къ нечистой...“

Жукъ ударился о ладонь и мигомъ смолкъ.

По прежнему тихо въ степи—тихо и на зимовникѣ.

Посреди убитого конскими копытами двора чуть-чуть тлѣютъ угольки костра, на которомъ варилась „вечера“, да возлѣ костра глухо ворчали псы, оспаривая другъ у друга остатки козацкой ѣды.

Кислань тихо свиснуль. Псы насторожились и прервали грызню.

„Разбужу старого“, рѣшилъ Омелько и въ сопровожденіи псовъ, вилявшихъ хвостами, подошелъ къ хатѣ.

Здѣсь онъ слегка постучалъ въ „кватырочку“—маленькое оконце, прорѣзанное въ стѣнѣ, на высотѣ человѣческаго роста.

Дверь хаты скрипнула и на порогъ появился самъ „господарь“ Шульга, казавшійся совершенно бѣлымъ при лунномъ освѣщеніи—благодаря сѣдой головѣ и бѣлой холщевой одеждѣ.

— Чего ты, Омельку?

Омелько предостерегающе поднялъ руку—онъ опять уловилъ подозрительный шумъ, но только яснѣй, чѣмъ прежніе разы.

Шульга его понялъ и бѣлая фигура старика—опустившись къ низу—приникла сѣдою головою до земли.

Омелько тоже приткнулся ухомъ къ плотной сухой почвѣ.

— Такъ и есть, конь скачетъ,—черезъ минуту сказалъ Омелько, поднимаясь съ коленъ.

— Да, однимъ конемъ бѣжитъ кто-то на зимовникъ,—подтвердилъ старикъ.

Изъ подъ возу вылѣзла и присоединилась къ говорившимъ третья низкая широкоплечая фигура, спавшаго тамъ казака Луца.

— Коня чуть?

— Эге!

— Волки гонятъ,—полувопросительно полуутвердительно высказалъ свое мнѣніе Луца,—въ Терновой балкѣ, не иначе, захватили... тамъ, чабаны говорили, цѣлый выводокъ держится дикихъ коней...

— Нѣтъ, это не то,—задумчиво проговорилъ Шульга,—конь самъ по себѣ, а волки какъ будто только по слѣду въ догонку гонятся...

Въ это время тяжелый ритмическій топотъ былъ слышенъ вполне ясно. Вотъ донеслось до казаковъ отдаленное ржаніе. Ржаніе повторилось звонче и сильнѣй.

Могучіе удары сильныхъ конскихъ ногъ гулко разносятся въ ночной тишинѣ.

Вотъ видно какъ по склону балки легко несется какая то масса. Мгновеніе, и на площадку передъ зимовникомъ легкимъ галопомъ выбѣжалъ конь безъ сѣдока.

— Косю! Косю!—звалъ его Шульга.

Конь круто присѣлъ на заднія ноги, пронзительно заржалъ и давши широкій кругъ, метнулся прочь отъ зимовника. Слышно было какъ затрещали кусты терновъ и тальника подъ напоромъ конскаго тѣла.

Зимовникъ сразу ожилъ.

Съ бѣшеннымъ лаемъ метались псы вдоль ограды, звонко ржали и били землю ногами жеребцы, выводимые изъ „стойни“. Торопливо перекликались полусонные люди.

Молодики, хлопцы, мальцы, бѣгали то въ „стойни“, выводя оттуда козацкихъ коней, то въ „лѣхи“ за боевыми припасами, то тащили изъ коморъ сѣдла и оружіе.

Всѣ помогали козакамъ снарядиться въ погоню за ускокавшимъ конемъ.

Одни отваливали камни отъ воротъ, другіе

держали храпѣвшихъ и дыбившихся жеребцовъ, поспѣшно накидывая сѣдла и затягивая подпруги.

— Гей, хлопьята, не отставай,—крикнулъ Омелько и во весь скокъ понесся туда, откуда еще продолжало слышаться ржаніе.

Луцъ и еще два-три козака одинъ за однимъ разсыпались по балкѣ.

А ржаніе раздавалось уже за балкой.

— Не уйдетъ,—говорилъ Шульга оставшимся молодикамъ и мальчикамъ,—конь по всему видно наморенъ. А вы, хлопцы, пока часъ да время, готовьте мушкеты, все можетъ случиться—даромъ кони по степу не бѣгаютъ.

Дѣйствительно, обстоятельства переживаемаго времени оправдывали тревожное состояніе зимовничанъ.

Былъ 1709 годъ—рѣшающій годъ борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII. Запорожье, увлеченное полякующей малороссійской старшиной и своимъ недалновиднымъ кошевымъ Костей Гордіенкомъ, нежданно—не гаданно для самого себя очутилось въ рядахъ шведскихъ войскъ.

Гнѣвъ Петра обрушился на запорожское войско.

Славная Чертомлыцкая сѣчь была истреблена соединеннымъ русскимъ и украинскимъ отрядомъ.

Запорожскіе города—Келеберда, Перевологно, Старый и Новый Кодакъ, Зимовники по Днѣпру, Самаръ и Орели были стерты съ лица земли

полковникомъ Яковлевымъ и компанейскимъ полковникомъ Кгалаганомъ.

Нестроевые запорожцы—„сидни“ или „гнѣздюки“—жившіе по зимовникамъ, выселялись русскими властями на сѣверъ украины, подальше отъ шведовъ.

Вотъ почему, притаившіеся по глухимъ уголкамъ Дикаго Поля въ балкахъ, байракахъ, плавняхъ, урочищахъ, остатки земледѣльческаго и рыболовнаго населенія Запорожья наблюдали крайнюю осторожность, ежеминутно ожидая гибели.

Прошло часа два послѣ отправленія козаковъ въ погоню за конемъ.

— Что-то долго нѣтъ,—толкуются молодики.

— Можетъ сами попались въ засаду?!

— Э, Омелько не такой...

— Ёдутъ, ёдутъ!—закричалъ одинъ изъ мальцевъ черноглазый Стецко Кавунецъ.

— И коня на арканѣ ведутъ...

— Ну и казаки-жъ...

— Кто словилъ?

— Та Омелько,—отвѣчаетъ Луць, разсѣдывая потнаго отъ упорной погони коня.

— Та-й гонялись за нимъ...

— Ну и конь—настоящій бахматъ!

— Куды тамъ! Птица, а не конь!

— Кислань, веди до огня,—распоряжается Шульга,—молодцы подкиньте въ костеръ сушняку да сѣна, что-бы свѣтлѣй стало!

Пламя, пробѣжавшее золотистыми струйками по вѣткамъ, вдругъ ярко вспыхнуло и освѣтило великолѣпнаго чернаго коня, дико косившагося налитыми кровью глазами и вздрагивавшаго, затянутыми отъ долгой скачки, боками.

Всѣ молча разсматривали пойманную добычу.

— Сѣдло не наше, козацкое.

— И не татарское..

— И не польское...

— Можетъ турецкое?

— Овва, чего турецкому коню тутъ быть,—возразилъ Шульга,—да опять же у турокъ не такія сѣдла.

— А ну раздвиньтесь, хлопьята,—и къ коню подошелъ одинъ изъ козаковъ—Таранъ—э... э... да это и сѣдло, и убранство, и тавро—все шведское... Я ужъ насмотрѣлся на нихъ!

— Что за чудасія, —удивился Луць,—по просту шведскій конь не зайдетъ въ Дикое Поле!

— Отъ войска ушелъ!

— Конь въ бою не былъ, а вѣрно изъ рукъ ушелъ и узда волочилась...

— Не возьму я въ толкъ,—разсуждалъ Шульга, разводя руками,—чего шведамъ быть на Ингульцѣ, когда все ихъ войско за Днѣпромъ на лѣвой сторонѣ.

— Ну, старый, — перебилъ Кислань его размышленія, — хотъ по обычаю всѣхъ забѣглыхъ коней надо отправлять до коша, а этого коня беру себѣ. Вѣдь и коша чорт-ма, да и кошевой Гордіенко, Богъ его знаетъ гдѣ.

Шульга нерѣшительно покачалъ головою.

— Скажи гопъ—козаче —какъ перепрыгнешь. Еще можетъ хозяева за конемъ явятся.

— Все одно—безъ выкупу не отдамъ, —задорно отвѣчалъ Кислань.

— Завтра будетъ видно, а теперь спать...

Мало-по-малу всѣ стали расходиться помѣстамъ продолжать прерванный сонъ.

Кое-гдѣ еще подъ возами, въ коморахъ слышны были отрывочные разговоры, но скоро все угмонилось.

Сторожить — „вартовымъ“ —сталъ самъ „господарь“.

Шульга, взявъ съ собою „мальца“ Стецка.

Неспокойно было у стараго козака на сердцѣ и онъ взялся самъ оберегать свою „господу“ до утра, отпустивъ Омелька на отдыхъ.

Сердце не обмануло старика.

Едва только забрезжила ранняя розовая зорька —на зимовникѣ опять поднялась тревога.

Припавъ съ мушкетами въ рукахъ къ загородѣ, козаки, поеживаясь отъ предразсвѣтнаго холода, наблюдали за вереницей всадниковъ, медленно направлявшихся къ зимовнику.

Вотъ они остановились. Передній всадникъ немного отдѣлился отъ прочихъ.

Вдоль ограды зимовника слышалось сухое щелканіе взводимыхъ мушкетныхъ курковъ.

Въ это время передній всадникъ подѣхалъ еще ближе и протяжно крикнулъ:

— Пугу!.. пугу!.. пугу!..

Омелько приложилъ руки ладонями къ губамъ и также громко и протяжно отвѣтилъ:

— Пугу!.. пугу!..

Наступило минутное молчаніе.

— А кто такой?—закричали изъ-за ограды.

— Козакъ съ лугу!

— А съ какого лугу—съ Великаго или съ малаго?

— Съ Великаго!

— Если съ Великаго лугу, такъ иди, козаче, до круга!

Пока шель этотъ обмѣнъ условныхъ привѣтствій—по строго соблюдаемому въ Дикомъ полѣ обючаю—всадникъ не трогался съ мѣста—зная, что при первой же попыткѣ приблизиться къ зимовнику—онъ будетъ встрѣченъ мушкетной пулей, теперь же, опустивъ конскія поводья, онъ вольнымъ шагомъ подѣзжалъ къ воротамъ.

— Отворять?—спросилъ одинъ изъ молодыхъ.

— Подожди...

— Что вы за козаки?—высунувъ голову, осмат-

риваль Шульга пришельца. Недовѣрчивый старикъ не хотѣлъ впускать незваныхъ гостей, не убѣдившись съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Менскаго куреня знатный товарищъ Максимъ Перековецъ,—съ достоинствомъ отвѣчалъ всадникъ,—съ козаками того жъ менскаго куреня.

— Боже мой,—закричалъ весело Шульга,—мы тожъ менскіе козаки! Гей! Мальцы, хлопцы, ну же швыдко! Хутко! Геть всѣ камни! Впускайте! Я жъ и Перековца знаю!

— И я его знаю, когда-то побратались,—говорилъ Кислань, помогая отваливать плотно заваленные ворота.

Новоприбывшіе спѣшили и, ведя коней въ поводу, вступили во дворъ зимовника.

— Вяжите коней до ясель, да идемъ до „господы,—просилъ Шульга.

Но прибывшіе козаки не торопились привязывать коней, а, снявъ шапки, кланялись, приговаривая по правиламъ запорожской вѣжливости.

— Отаманы товариство—ваши головы,—т. е. гости этимъ привѣтствіемъ отдавали себя въ полное подчиненіе хозяевамъ, говоря, что наши головы уже не намъ принадлежатъ, а вамъ.

На это хозяева съ низкими поклонами отвѣчали тоже:—„ваши головы! ваши головы!“.

Ни та, ни другая сторона не хотѣла высказать себя незнающей „звычайевъ-обычаевъ запорожскихъ“ и тѣмъ уронить свое козацкое достоинство.

Пріѣхавшіе имѣли очень изнуренный видъ.

Видно было по всему, что они сдѣлали длинный и трудный путь. Красные „каптаны“ были запылены и обтрепаны, широкія суконныя киреи были изорваны, синіе китайчатые шаровары у многихъ были въ клочьяхъ. У всѣхъ были замѣтны слѣды какой-то отчаянной схватки. Пятиаршинныя копья, окрашенныя спирально красной и черной краской, были поломаны, ронды—конскіе уборы были въ безпорядкѣ, запачканы, изсѣчены, смяты и на скорую руку связаны веревочками. Загнанные кони едва держались и кровь сочилась по избитымъ бокамъ.

Отдѣльной кучкой среди козаковъ сбилось нѣсколько человекъ, одѣтыхъ въ синіе мундиры.

— Шведы,—сказалъ Таранъ, разглядѣвъ ихъ, —ну, братъ Омелько, готовъ коня!

— Увидимъ,—недовольно пробурчалъ тотъ.

— Га! Омелько Кислань!—вдругъ разставилъ руки Перековецъ—плотный, мускулистый козакъ съ безшабашнымъ выраженіемъ лица.

— Я и есть!—отвѣчалъ Кислань, обнимаясь и цѣлуясь съ Перековцомъ.

— Чего жъ ты, Омелько, не въ войскѣ? Я и не гадалъ тебя увидѣть—слухъ былъ, что ты, побратимо пропалъ совсѣмъ...

— Было и далъ дуба, да спасибо старому,—указалъ Кислань на Шульгу,—отходилъ меня. Всю зиму отлеживался въ зимовникѣ.

— Ну, хлопцы,—обратился Перековецъ къ своимъ,—пускай коней на роздыхъ... Трое сутокъ, диду,—обернулся онъ къ Шульгѣ,—на взаводы гнали, что было духу!

— За какой бѣдой!

— Не своей волей—москаль гналъ!

—Москаль?!—удивленно пронеслось среди столпившихся зимовничанъ,—москаль въ Дикомъ полѣ?! Козаковъ да москаль гналъ? А гдѣ же войско?

— Войско тю-тю,—свистнулъ Перековецъ.

— Какъ?!

— Нѣту ни войска, ни гетмана, ни короля... Все пошло къ чертовому батьку!

— Ова!

— Гдѣ же оно дѣлось?!

— Побилъ подъ Полтавой москаль... У пень порубилъ и шведское войско и кошевое... Самъ король, живой-неживой, бѣжить теперь степовыми шляхами до турка... И гетмана въ рыдванѣ степомъ потягли... А за ними наша старшина и товариство чуть-чуть.

— Что жъ москаля сила была,—спросилъ Шульга среди всеобщаго молчанія.

— Если бѣ сила! Бились, диду, въ ровняхъ, да ихъ верхъ оказался! Сначала пошло разгордіяшемъ—полкъ на полкъ, а тамъ царь какъ двинетъ лавою съ москалями—сразу начался галась и шведы и москали перемѣшались... Царь какъ крикнетъ—туръ по степу такъ не кричитъ—„по-

радѣйте товарищи“; а москали заревутъ, какъ скаженные бугаи, да на шведовъ, а за ними компанейцы, а къ нимъ и изъ сѣчезоваго товарищества кой-кто присталъ... Шведы то туды—то сюды... Куды тамъ... Москали какъ двинутъ, какъ двинутъ—не даютъ и на небо взглянуть. Раскололи шведское войско пополамъ, загнали въ лѣсъ, сбили и пѣшихъ и конницу... Короля и не видно и не слышно... Кричатъ отаманы—гони, хлопцы, въ Дикое полѣ—пропали козацкія головы...

— Занапалили — панове — вы запорожье, — сказалъ Шульга, печально помотавъ головою.

— Да, не гораздъ сдѣлали, — угрюмо замѣтилъ Таранъ, подергивая сѣдой усъ, — и чертъ втаскалъ нашъ кошъ за этимъ ляшскимъ подпанкомъ Мазепой—никогда отъ этой польской души добра кошу запорожскому не было...

— Что вѣрно—то вѣрно, — поддержалъ его одинъ изъ прибывшихъ козаковъ, — добра отъ Мазепы никогда низовому войску не было и какъ это товарищество довѣрилось ему...

— Такъ то оно такъ—отозвался Перековецъ на эти слова, — да ты Мандрѣ, забылъ, что за человекъ нашъ гетманъ... Недаромъ въ Сѣчи говорилось—отъ Богдана до Ивана—не было гетмана—Иванъ Мазепа не абы какой гетманъ былъ!

— Вольному кошу гетманъ не указъ, — возражалъ Мандрѣ, — а что у насъ молодята большую

волю взяли, такъ это правда. Имъ все одно—хоть до шведа, хоть въ пекло—абы шумъ былъ, а войско пропало...

— А когда старики за Москву тянули,—ворчливо перебилъ его Таранъ,—такъ молодята грозили песку за пазуху насыпать, да въ Чертомлыкъ посадить раковъ кормить...

— Эхъ гораздъ, не гораздъ—прервалъ всѣ споры Перековецъ, безопасно махнувъ рукой,—славному кошу и подъ туркомъ будетъ добро жить... Давайте, братцы, поспѣдаемъ, а то ажъ душа болитъ—ѣсть хочется...

Цѣлый день отдыхали и собирались съ силами бѣглецы. Шульга ничего не жалѣлъ для нежданныхъ гостей:—„все одно—не вамъ—такъ москалямъ достанется“, проговорилъ онъ и по его приказу молодики рѣзали безъ счету барановъ и бросали мясо въ котлы съ варившейся пищей.

— Какъ вы утрапились на зимовникъ,—распрашивалъ Омелько.

— Да просто бѣжали безъ дороги и набѣжали.

Водилъ Омелько побратима—показывалъ пойманнаго ночью коня.

— Вотъ такъ конь!—хвалили козаки.

— Одно слово огеръ!

Ходили и шведы смотрѣть—но никто, ни шведы, ни запорожцы не признали коня за своего.

— Кто его знаетъ, толковали сѣчевики,—теперь по Дикому полю и людей и коней много растеряно...

Подкрѣпившись ѣдой и сномъ сѣчевики оживились—посыпались шутки, остроты. Шведы же держали себя мрачно и сосредоточенно.

Одни возились все время около одного своего сотоварища, беспомощно полулежавшаго, облокотясь на сѣдло.

Самъ Перековецъ тоже принималъ большое участіе въ этомъ шведѣ.

— Добрый шведъ, — рассказывалъ онъ, — если бъ не онъ, то можетъ быть мы и не вырвались изъ лапъ москалей.

Омелько подошелъ взглянуть на „добраго“ шведа, которому товарищи клали примочку ко лбу.

— Ирихъ! Ирихъ!—слышалось среди нихъ.

— Занедужилъ бѣдняга,—пояснялъ Перековецъ Кисланю,—а завзятый рубака, козаку не уступить...

Омелько съ сочувствіемъ смотрѣлъ на блѣдное лицо шведа, которое ему понравилось чисто дѣтскимъ наивнымъ выраженіемъ.

Солнце повернуло на западъ и Перековецъ уже велѣлъ готовить коней къ дальнѣйшему

бѣгству, какъ на зимовникъ наскочили два козака — о двуконь каждый.

— Бѣда, братцы, — кричали они еще издали, — погоня! Москаль по сей бокъ Ингульца гоны гонить.

Усталые кони храпѣли, поводили мокрыми потными боками — не стали и отдыхать.

— Некогда, пановы, москаль головы рубить, — и оба, наполнивъ сушенныя тыквы и деревянныя баклажки водой, понеслись дальше.

— На конь! На конь! До зброи! — раздалось въ зимовникъ и болѣе торопливые уже выводили коней на дорогу. А тамъ скакала уже новая ватага — тѣ уже не кричали, не останавливались, а только, оборотившись назадъ, грозили и показывали нагайками — „смотри, молъ, берегись“.

А вотъ еще одинъ подскакалъ. Шапка потеряна, окровавленная голова обвязана грязной тряпичей. Сѣрый, разгоряченный вѣдой, конь рветъ и кидается впередъ. Уздечка въ крови и клочья бѣлой пѣны падаютъ на землю.

— Гей, паны-братья, прямуйте на Ингуль... За тѣми байраками драгунскіе подѣзды... Словили шведскаго офицера... Самъ не знаю, какъ ушелъ... — и, прокричавъ это однимъ духомъ, козакъ стегнулъ нагайкой коня и помчался, не разбирая дороги, черезъ терны, вспугивая жаворонковъ, перепеловъ, куликовъ и всякую другую мелкую птицу.

Въ зимовникѣ начался страшный переполохъ.

— Выѣзжайте! Выѣзжайте!—кричалъ Перековецъ.

— Кто воды не набралъ—безъ воды... Подѣлимся!

А ты старый? А ты Омельку? Скорѣй съ нами!

— Я не ѣду,—спокойно отвѣтилъ Шульга,— не поклонюсь басурману на старости лѣтъ!

— А ты, побратиме?

— Я то же, Максиме, до турка не пойду...

— Остаюсь и я,—прибавилъ Таранъ,—а врага христіанской вѣры шановать не стану...

— Ой, хлопцы, лихо вамъ будетъ! Москаль не помилуетъ...

— Мы по байракамъ перебудемъ—теперь не холодно!

Молодики и мальцы большей частью рѣшили не уходить—„по тернамъ попрячемся“,—говорили они,—„пока до турка добѣжишь—очи вылѣзутъ“. На часть ихъ—во главѣ съ Луцемъ—захватили коней и примкнули до козацкой ватаги.

Шульга не отговаривалъ: „пустъ ихъ. Кому какъ лучше—такъ и дѣлай. Дѣло смертное“.

Уже во дворѣ остались только Перековецъ да шведы—о чемъ то толковавшіеся.

Высокій шведъ важнаго вида въ мундирѣ, расшитомъ подзументами, подозвавъ Перековца, убѣдительно началъ что-то говорить ему, мѣшая польскія, нѣмецкія и украинскія слова.

Кислань, прислушивавшійся къ этому разговору, съ трудомъ понялъ, что рѣчь шла о больномъ шведѣ—Ирихѣ.

— Побратиме!—сказалъ Перековецъ, обернувшись къ Кисланю,—вотъ шведъ—это ихъ полковникъ—просить поберечь этого больного... Слушай, Максиме, я тоже прошу принять его отъ москалей... Мы бы взяли съ собой—да на конѣ онъ не усидитъ!

— Добре, для тебя, Максиме, сдѣлаю—яровь и байраковъ много—есть гдѣ спрятаться!

Перековецъ снова началъ толковаться со шведскимъ офицеромъ—указывая на Кисланя.

— Ну, Омелько, шведъ даетъ двадцать золотыхъ за твою услугу—но хочетъ, что бы ты цѣловалъ крестъ, что будешь беречь этого Ириха.

— Скажи ему, что козацкое слово свято, а если хочетъ—то вотъ...

Вынувъ изъ-за пазухи мѣдный крестъ, Омелько набожно перекрестился и поцѣловалъ его.

Минута и—Перековецъ и шведы уже догоняли свою ушедшую впередъ ватагу.

Часъ спустя Омелько и Тарань, захвативъ съ собой Кавунца выѣхали на развѣдки.

Въ степи имъ удалось замѣтить еще нѣсколько ватагъ и одиночныхъ всадниковъ, спасавшихся бѣгствомъ по разнымъ направлениямъ.

Оставивъ коней подъ наблюденіемъ Кавунца, Омелько и Таранъ—ползкомъ въ густой травѣ—взобрались на высокую могилу.

— Смотри, Омелько!

— Вижу!

— На балкѣ Маловодяной стали...

— Ну, если на Маловодяной—то долго не простоятъ... водопоевъ нѣтъ...

— Та й сила его москаля!

Дѣйствительно вдали видны были массы конницы.

Дымились костры. Взадъ и впередъ шныряли отдѣльные разъѣзды. Насколько глазъ хваталъ вдоль балокъ видны были табуны стреноженныхъ коней, повозки, людскія толпы.

Да это былъ „москаль“—забравшійся въ глубь безысходнаго, нагляднаго Дикаго Поля.

Это были страшныя гончія—князь Григорій Степановичъ Волконскій и бригадиръ Кропотовъ, —посланные царемъ въ догонку за Мазепой и Карломъ XII. Петръ Великій зналъ кого посылалъ. Волконскій не разъ командовалъ козацкими войсками, проходилъ съ ними изъ края въ край Польшу, а Кропотовъ уже не разъ имѣлъ дѣло съ козаками и выдерживалъ жестокіе бои съ запорожцами, приставшими къ Булавину.

Обоимъ имъ—и князю Волконскому и Кропо-

тову—хорошо были извѣстны всѣ военныя хитрости и увертки запорожцевъ.

Петровскія гончія неутомимо гнались по слѣду за краснымъ звѣремъ, но разобраться въ безпредѣльной степи было трудно. Сплошь и рядомъ попадались ложные слѣды, прошмыгивали конныя ватаги, ничего не имѣвшія общаго съ шведскимъ королемъ, а представлявшія остатки запорожской конницы, уходившей куда глаза глядятъ. Наконецъ попался слѣдъ тяжелаго рыдвана. „Король!“, обрадовался Волконскій и приказалъ „гнать коней нещадно!“. Заморивъ людей и лошадей, отбившись отъ водопойныхъ мѣстъ, Волконскій нагналъ небольшой отрядъ, сопровождавшій рыдванъ съ больнымъ шведскимъ офицеромъ. Взбѣшенный своей неудачей и потерей времени, Волконскій круто повернулъ въ сторону и безводными, непроходимыми урочищами двинулъ свой отрядъ къ Ингулу, стараясь наверстать упущенное время.

Такое неожиданное появленіе въ самыхъ глухихъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей сильнаго русскаго отряда навело панику на сѣчевыя ватаги и было причиной переполоха въ зимовникѣ Шульги. „Москаль! Москаль идетъ!“ раздавался отчаянный крикъ и все спѣшило туда за Ингуль, къ Булу „до турка“.

— „Надо уходить, диду“,—говорилъ Кислань, возвратившись съ развѣдки,—москальи въ Мало-

водяной воды не достанутъ на все войско, сразу снимутся съ мѣста!

Усадивъ кое-какъ въ сѣдло больного Ириха, взявъ запасъ вяленой баранины—„пастремы“, Кислань покинулъ зимовникъ. Таранъ скрылся еще раньше и Шульга остался самъ съ нѣсколькими мальцами и молодиками. Впрочемъ и Шульга не терялъ даромъ времени. Стада воловъ, отары овецъ, конскій табунъ были загнаны и запряганы по далекимъ байракамъ и балкамъ.

— На войнѣ, что свой, что чужой, все одинаково,—пояснялъ опытный старикъ молодикамъ,—каждый готовъ пограбить.

Часть скота Шульга приказалъ все-таки оставить при зимовникѣ, чтобы было чѣмъ „отвести глаза и заткнуть глотку“ ожидаемымъ москалямъ.

Москали не заставили себя долго ждать.

Нагрывшій разъѣздъ драгунъ и гетманцевъ кинулся грабить зимовникъ. Драгуны начали было колоть скотъ, а гетманцы заглядывать въ коморы и лѣхи, какъ командовавшій разъѣздомъ поручикъ съ грубой бранью приказалъ солдатамъ очистить зимовникъ.

Приближался самъ Волконскій, шедшій слѣдомъ за разъѣздами съ драгунскимъ полкомъ, и своевольничать передовому разъѣзду было некогда.

Гнѣвно и сердито допрашивалъ генераль

Шульгу, который спокойно и безстрастно смотрѣлъ ему въ глаза.

— Не вели шкодить драгунамъ, ясновельможный панъ,—я человекъ старый и много послужилъ его царскому величеству...

— Всѣ вы, запорожцы, служили царскому величеству, а потомъ всѣ до короля перебѣжали, — строго обрывалъ князь Шульгу.

— Такъ то войско,—оправдывался Шульга, — а я за собой такой вины не вѣдаю. Я уже въ войскѣ не служу и уже сколько лѣтъ не приходилось являться въ кошъ для взятія на козацтво войсковыхъ приказовъ, да и самъ кошъ ни разу ни одного гонца—машталира не присылалъ съ универсаломъ, абы съ другимъ какимъ войсковымъ дѣломъ...

— Толкуй тамъ... Всѣ вы однимъ духомъ дышите...

Волконскій былъ мраченъ и суровъ, но Шульга не терялся...

— Опять же, вѣдомо вашей ясновельможности, я подъ Азовомъ царской пресвѣтлой милости удостоился и награжденія пятнадцатю червонцами, какъ старшина, лично пожалованными, а за ранами тогда полученными подъ Азовомъ, войско оставилъ, сидѣть на конѣ—не усижу...

Хлѣборобствую себѣ—по милости Божій—на сколько силъ есть, въ томъ мое и пропитаніе.

— Ну, а проходили какіе нибудь конные или пѣшіе люди—запорожскіе или шведскіе.

— Не знаю, ясновельможный пане, ватаги разныя ходять по Дикому полю—имъ шляхи не заложены, и чумацкія валки, и татарскіе загоны, и войсковыя команды, и разные самосбройды—однако каждый норовить до воды добратся, и если ваша милость хочеть послушать моего старого совѣта—такъ надо по Ингулу идти—тамъ и водопой, тамъ и шляхи.

— Осмѣлюсь сказать, ваше сіятельство,—подъѣхаль къ Волконскому бригадиръ Кропотовъ,—мы тутъ время теряемъ. Разъѣзды наши никакихъ слѣдовъ не нашли. Старикъ,—Кропотовъ кивнулъ головой въ сторону Шульги,—кажется не вретъ. Пусть дастъ проводника до ближайшей воды и будемъ ловить короля за Ингуломъ.

— Можно, можно,—заторопился Шульга,—у меня хлопцы проведуть до Дубровиной балки, а тамъ и рѣчка—Боковенька—по нашему, запорожскому имя—воды хоть на всю орду хватить... Гей Стецко, а Стецко, швыдко бери сивую коняку да поѣдешь съ войскомъ! Не бойся, мосакли добрые!

Помогая проворному Стецку Кавунцу осѣдлатъ „сивую коняку“, самъ Шульга шепотомъ насталялъ хлопца: „не веди, на тотъ край, куда козаки поѣхали, ни туда, гдѣ наши отары, а веди

черезъ Толстую могилу на Глиняную балку Слышишь?”

— Добре, диду!— отвѣчалъ Стецко, вскакивая на лошадь.

Безостановочно, рядъ за рядомъ прошли драгунскіе полки, растянулись по балкамъ, ярамъ, проскрипѣли походныя телѣги и скоро все скрылось въ безбрежной степи.

На зимовникъ настала прежняя тишина и по прежнему стало безлюдно въ окружавшихъ его балкахъ.

Какъ ни была несложна и нетребовательна сѣчевая „рэгула“ — воинскій уставъ запорожцевъ — а все же находились люди, для которыхъ и тогдашніе порядки казались тягостными и стѣснительными.

Это были люди своевольные, нелюдимые, порвавшіе всѣ связи съ родными мѣстами, не признававшіе ничего, кромѣ Дикаго поля.

Въ постоянныхъ схваткахъ теряя друзей и товарищей—они огрубѣвали душой, ожесточались и начинали тяготиться сѣчевой жизнью и обществомъ сѣчевиковъ.

Кому не нравился или надоѣдалъ сѣчевой укладъ жизни, тѣ уходили въ зимовники и становились „гнѣздюками“, но жизнь „гнѣздюка“ или „сидня“ слишкомъ спокойна, а „козаку воевать, что соловью пѣть“, говорилось тогда,—и вотъ

запорожець забирався въ глухой байракъ, мастерилъ себѣ незатѣйливую землянку — „бурдюгъ“, жилъ—чѣмъ Богъ на душу пошлетъ и въ постоянномъ уединеніи совершенно дичалъ.

Такіе одичавшіе обитатели балокъ и байраковъ носили у казаковъ названіе „лугарей“.

Лугари скрытно и потаенно жили по Днѣпровымъ плавнямъ, лѣснымъ урочищамъ, по рѣкамъ Самарѣ, Орели, Бугу, Ингулу.

Недосягаемые ни для какой власти, часто никому неизвѣстные, выносливые и физически закаленные, знавшіе степь, какъ свои пять пальцевъ, лугари были истинными хозяевами Дикаго Поля.

Многіе изъ нихъ считались „характерниками“ — знакомыми съ колдовствомъ, — другіе были знаменитыми предводителями — „ватажками“, иные были просто разбойниками — „харцызами“, „драпжниками“.

Существовали лугари тѣмъ, что „ходили въ добычу на рыбу, соль, звѣря“, но обычнымъ ихъ занятіемъ была война, низведенная на степень мелкихъ грабительскихъ набѣговъ.

Ни друзей, ни враговъ, ни мира, ни союзовъ они не признавали — шли сегодня на тѣхъ, кого вчера защищали.

Стоило только пронестись слуху, что гдѣ-нибудь на Муравскомъ или Черномъ или Саксанскомъ шляху „перемѣшкиваетъ“ ватага соби-

раясь „унадиться“ до турка или „подъ ляха“, какъ изъ разныхъ Терноватокъ, Лозоватокъ, Камышеватокъ, Волчьихъ, Конскихъ, Сухихъ и Водяныхъ балокъ выползали звѣроподобные люди, примыкали въ громадномъ количествѣ къ ватагамъ и пускали „паль“ по всѣмъ „усюдамъ“— турецкимъ, польскимъ и татарскимъ.

У одного изъ такихъ лугарей—Бовкуна—и рѣшилъ Омелько спрятать больного шведа, да и самому переждать у него, пока что.

Бовкуна хорошо знали въ зимовникѣ Шульги да и въ сапой Сѣчи имя его не безызвѣстно между козаками.

Когда-то славный козакъ и заслуженный войсковой полковникъ—Бовкунъ съ честью предводительствовалъ, былъ выбираемъ на многія войсковыя должности, но потомъ отъ всего отказался и бросилъ Сѣчь, отдавъ своему родному Платнировскому куреню свое полковничье знамя на вѣчное храненіе при куренномъ образѣ и на добрую славу о себѣ.

Омелько хорошо помнилъ его громадное зеленого шолку знамя, расшитое золотомъ и серебромъ, гордо выносимое Платнировцами на Крещеніе Господне, когда все низовое войско выстроилось по куренямъ, каждый со своими куренными знаменами и знаменами прежнихъ полковниковъ, воздавая мелкимъ мушкетнымъ огнемъ и арматной пальбой хвалу празднику.

Никогда уже Бовкунъ не появлялся на Сѣчи, а по зимовникамъ его имя стало упоминаться въ числѣ именъ лугарей, „блукавшихъ“ по Дикому Полю.

Среди ватагъ, грабившихъ Приднѣстровье и Побужье Бовкунъ считалъ „характерникомъ“, умѣвшимъ отводить глаза врагамъ, залечивавшимъ самыя тяжелыя раны и заговаривавшимъ непріятельское оружіе такъ, что оно не вредило козаку.

Еще отблески зари горѣли на небѣ, когда, пробродивъ двое сутокъ по степи, Омелько остановился у байрака, гдѣ находился бурдюгъ Бовкуна.

Шведъ былъ плохъ. Еще въ началѣ пути онъ обмѣнивался иногда нѣсколькими замѣчаніями съ Омелькомъ, коверкая русскія, польскія и украинскія слова, нахватанныя за долгіе походы, но потомъ уже почти не могъ объясняться.

Ирихъ сталъ часто впадать въ забытѣе, по временамъ бредилъ и шепотомъ толковался съ какими-то видными только его воображенію собесѣдниками.

— Плохъ, братъ Юрко, — качалъ головой Омелько, переиначивъ по своему Ириха въ Юрка, — только на Бовкуна и надежда... Если найдемъ Бовкуна — сразу вылѣчимъ... Онъ „характерникъ“ хоть куды!

Уложивъ шведа на бурку и тщательно сбато-

вавши и стореноживши коней, Омелько оглушительно свиснулъ.

Отвѣта не было.

Тихъ и неподвиженъ былъ „чагарныкъ“— мелкій лѣсъ по краю балки, неподвижно и безмолвно чернѣли массивные дубы и бересты на днѣ оврага.

— Неужели нѣтъ!—съ тоской подумалъ Омелько.

Онъ свиснулъ опять и уныло застоналъ съ чемъ—„пугу! пугу!“

Въ глубинѣ байрака—какъ неясное эхо— слышался слабый отголосокъ.

-- Эге!—сказалъ самъ себѣ Кисланъ,—„Бовкунъ тутъ, и, склонившись надъ обрывомъ балки, вновь долго и протяжно закричалъ—„пугу!.. пугу!.. пугу!..“

Вдругъ изъ темной глубины слышался волчій вой, настолько зловѣщій, что даже привычнаго Омелька передернуло, а лошади начали храпѣть и топтаться.

— Что это!?—задалъ себѣ вопросъ козакъ и торопливо вынулъ пистолетъ изъ кобуры, привѣшанный къ шароваромъ.

Вой все усиливался, расширялся и, то приближаясь, то удаляясь, казалось наполнялъ собою весь байракъ.

— Охъ, лихо!—къ своему ужасу Омелько ясно услышалъ отвѣтный вой дальнихъ волчьихъ стай.

Въ далекихъ и ближнихъ балкахъ, у степныхъ озеръ, въ болотистыхъ урочищахъ были слышны волчьи завыванія и новые, и новые хищники откликались на призывный вой.

— Проклятый вѣдьмакъ, — ругаль Кислань, — этожъ онъ волковъ вызываетъ. Недаромъ про него говоримъ, что днемъ человѣкъ—а ночью звѣрюка.

Омелько былъ храбрый козакъ, но нечистой силы трусилъ.

— Все одно, — торопливо крестилъ онъ пистолетъ, — проломлю голову, будь хоть волкъ, хоть вѣдьмакъ!

Кони храпѣли, дыбились. Ирихъ опять бредилъ, выкрикивая хриплымъ голосомъ командныя слова.

— Эхъ, хоть бы Юрко не несъ своей нисенѣтницы, — прислушивался Омелько къ дикимъ безсвязнымъ выкрикамъ больного, — все было бы легче...

Вотъ внизу затрещали кусты. Кто-то продирался ломая мелкую поросль.

Омелько взвелъ курокъ пистолета.

— Здоровъ, козаче! — раздался сиплый басъ и неясная человѣческая фигура показалась между кустами.

— Здоровъ, дядьку, — это я — Омелько Кислань...

— Вижу, что ты...

— Я привезъ шведа...

— Давай зарѣжу! Чего жъ ты съ нимъ возишься?!

-- Э, дядьку Бовкуне, не годится...

— Почему...

-- Козацкое дѣло... Побратимъ просилъ, да и крестъ святой цѣловалъ—шведа беречь!

— Ну, если такъ—то такъ! А тютюнъ есть?!

— Есть.

-- Давай закуримъ...

Присѣвъ на корточки, козаки закурили трубки и повели разговоръ о текущихъ событіяхъ.

Очнувшись черезъ нѣсколько дней Ирихъ никакъ не могъ понять, гдѣ онъ очутился. Онъ лежавъ на грудѣ травы, брошенной прямо на полу не то землянки, не то пещеры, сложенной изъ дикаго камня.

На голыхъ стѣнахъ не было никакого украшенія, кромѣ конской сбруи, развѣшанной на колышкахъ.

— Гдѣ я?—напрягалъ сознаніе шведъ.

Полтавскій бой, переправа черезъ Днѣпръ, бѣгство по степямъ и гибель тысячъ офицеровъ, солдатъ, генераловъ, сразу вспомнились ему.

Кое-какъ поднявшись—Ирихъ вышелъ въ полуоткрытую дверь. Онъ увидѣлъ себя на днѣ какого то провалья. Плотнымъ сводомъ нависли отовсюду зеленыя вѣтви дубняка и липняка, въ непроницаемую стѣну сплелись кусты бузины, орѣш-

ника и дикой вишни. Въ густой травѣ сидѣли два человѣка и разбирали по частямъ мушкетъ.

— Овва,—воскликнулъ одинъ, вскакивая на ноги,—вотъ и Юрко поборолъ свою хворобу!

Ирихъ не понялъ его слова, но глядя на веселое, улыбающееся лицо козака и самъ улыбнулся.

Онъ припомнилъ и узналъ своего проводника и спасителя Омелька Кисланя.

За то на другого — на Бовкуна, тоже поднявшагося съ земли, Ирихъ смотрѣлъ не безъ внутренняго содроганія.

— Что смотришь, Юрко?—говорилъ Кислань, замѣтя выраженіе, съ какимъ Ирихъ поглядѣлъ на Бовкуна, — звѣрскій козарлюга, а тебя выходилъ...

Бовкунъ молча дружелюбно похлопалъ шведа по плечу.

— Козакъ?—спросилъ Ирихъ, указывая на Бовкуна.

— Эге!

Такихъ казаковъ Ирихъ еще не видалъ, хотя много насмотрѣлся всякаго люду въ своихъ походахъ.

Передъ нимъ стоялъ высокій „какъ дубъ“, необычайно плотнаго сложенія, сильно загорѣлый и обвѣтренный человѣкъ. Могучую совершенно голую грудь и широкія плечи еле прикрывала „вильчура“—косматая бурка, наброшенная прямо на голое тѣло. Рубашки не было и въ поминѣ—

холщевые штаны, пропитанные рыбьим жиромъ и провяленные на солнцѣ и болтавшіеся на ногахъ свинные „постолы“—опорки, довершали костюмъ Бовкуна. Не особенно длинная сабля, въ деревянныхъ, обшитыхъ кожей, „пихвахъ“ или ножнахъ была подвязана узенькимъ ремнемъ посредствомъ двухъ колець къ лѣвому боку. Высокая острая шапка съ сивымъ смушковымъ околышемъ болѣе четверти шириной замѣняла Бовкуну кисеть и онъ изъ-за околыша спокойно вытаскивалъ люльку, кресало и тютюнъ.

— Покуримъ, шведъ, чтобы дома не журились, —сказалъ онъ и на черномъ отъ загара лицѣ какъ у негра сверкнули бѣлизной рядъ крѣпкихъ зубовъ и бѣлки глазъ.

Дни текли за днями—Ирихъ быстро поправлялся и здоровѣлъ. Молодые силы, надломленные чрезвычайнымъ напряженіемъ суровой войны, возвращались къ больному шведу. Благодатный степной воздухъ и полный покой дѣлали свое дѣло и скоро Ирихъ совершенно не чувствовалъ никакой слабости.

Но если физически Ирихъ возвращался и становился похожимъ на прежняго молодца—солдата, за то въ душѣ его произошелъ большой переломъ.

Самъ Ирихъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что душевно онъ сталъ уже не тотъ.

Войско, война и самъ король рѣдко приходили ему на умъ и онъ вспоминалъ о всемъ этомъ совершенно безучастно.

На днѣ байрака такъ было мирно, спокойно и безмятежно, что казалось никакая военная буря не въ состояніи нарушить безпечную жизнь этихъ трехъ человѣкъ.

Наконецъ настала пора отправляться.

— Ну, Юрко, къ туркамъ я не пойду,—говорилъ Кисланъ, снаряжая коней,—а ѣдемъ къ Днѣпру, а тамъ проберемся и въ Украину.

Шведъ молча кивалъ головой—на все соглашаясь.

Горячая дружба мало-по-малу связала эти два простые сердца и они находили, что самое лучшее имъ не разставаться.

Опять два всадника стали пробираться отъ байрака до байрака, направляясь къ Днѣпру.

Ѣхали только ночью—дни проводили, забившись въ глубь балокъ и яровъ среди непроходимыхъ кустовъ тальника, терновника и боярышника. Иногда попадались имъ бурдюги, и, если хозяина не было дома, то на столѣ оставался хлѣбъ, ножъ, соль и еще какая нибудь провизія. Путники отдыхали и на прощанье Омелько клалъ на столъ крестъ изъ палочекъ, какъ благодарность отсутствующему хозяину.

Послѣ долгихъ скитаній имъ удалось благополучно достигнуть Днѣпра. Здѣсь въ плавняхъ

Омелько усмотрѣлъ небольшую рыболовную ватагу. Это оказались козаки полтавскаго полка, выѣхавшіе на рыбный промыселъ. Полтавцы отнеслись сочувственно къ бѣглецамъ и взялись переправить ихъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Правда были отданы строгіе приказы не пропускать запорожцевъ, но Полтавскій полкъ всегда жилъ дружно съ Запорожьемъ, многіе полтавцы были сами сѣчевиками и вообще были добрыми сосѣдями, поэтому ни пикеты, ни караулы не помѣшали нашимъ друзьямъ проникнуть въ Украину.

„Полтавскій полкъ съ Сѣчью—какъ мужъ съ женой“—говорилось тогда и полтавцы запорожцевъ не выдавали.

Въ городѣ Богодуховѣ происходила обычная осенняя ярмарка. Множество народу стекалось изъ ближайшихъ и дальнихъ селеній: Писаревки, Мерчика, Павловки, Вертѣевки, Купьевахи. На большомъ зеленомъ лугу вдоль рѣки Мерло по обоимъ берегамъ тянулись ряды возовъ, гурты рогатаго скота, отары, овецъ, ятки торговцевъ съ краснымъ товаромъ. Въ самомъ городѣ, раскинутомъ по отлогому холмистому склону, было тѣсно, потому что всѣ площади и улицы были обведены и перерѣзаны рядами огромныхъ окоповъ. Это всю зиму и весну старался фельдмаршалъ Шереметевъ на случай движенія шведовъ изъ Гадяча къ Харькову.

Среди гудѣвшей—какъ пчелы на пасекѣ—толпы, медленно прохаживался старый хуторянинъ Гнатъ Трепилецъ, заложивъ за спину руку съ батогомъ и прицѣниваясь попутно къ разнымъ ярмарочнымъ товарамъ. Его сопровождала, робко держась за рукавъ отцовской свитки, пятнадцатилѣтняя дочка Ивга.

Вся расцвѣченная лентами, позвякивая дукарами и монистами въ нѣсколько рядовъ охватывавшихъ ея шею, сѣроокая Ивга боязливо сторонилась отъ городскихъ хлопцевъ, не отвѣчая на ихъ „жарты“ и „зачипанія“, а сама между тѣмъ съ любопытствомъ разсматривала все вокругъ.

Такъ прошли они изъ конца въ конецъ всю ярмарку и уже добрались до самыхъ крайнихъ чумацкихъ возовъ, какъ вдругъ Трепилецъ порывисто шагнулъ и затѣмъ неподвижно остановился, уставившись куда-то глазами.

— Тату! а тату!—дергала его за рукавъ Ивга, которую мало интересовали чумацкіе возы,—идемтѣ дальше на ярмарокъ! Туды, гдѣ крамари съ ятками!

Трепилецъ будто и не слышалъ дочери.

— Тату, а тату, чего вы стоите,—продолжала Ивга дергать отца за рукавъ.

— Знаешь доню,—отозвался къ ней старикъ,—а вѣдь это Омелько! Накажи меня Богъ, Омелько!

— Какой Омелько?!

— Да нашъ Омелько, дурная дивчина! Вонъ видишь—половыхъ воловъ погналь въ Мерло поить! Ей Богу, Омелько!

Ивга таращила глаза, но никого не видѣла, кромѣ чумаковъ, гнавшихъ на водопой воловъ. Да и откуда ей было знать Омелька, когда тотъ какъ ушелъ на Запорожье, такъ и не появлялся дома. А между тѣмъ Трепилецъ уже обнимался и цѣловался съ какимъ то молодымъ чумакомъ.

— Тату! родный тату!

— Омелько! Сынку мой!

— Идемте жъ, тату, до моего воза!

— Что жъ ты, сынку, чумакуешь?!

— Не самъ, тату, съ товарищемъ!..

— Ну, веди, сынку, до своего воза!

Омелько Кислань—это былъ онъ—ведя за собой круторогихъ воловъ, подвелъ такъ неожиданно встрѣченнаго отца къ своему возу. На возу сидѣлъ въ сѣрой мужицкой свиткѣ и большихъ смазныхъ сапогахъ Ирихъ, съ спокойствіемъ заправскаго чумака покуривавшій люльку.

— Вотъ мой возъ, а это и товарищъ Юрко Безродный—вдвоемъ сбились грошами да и чумакуемъ.

— Такъ, такъ, сынку,—кивалъ головой Трепилецъ, разгладывая крупную соль—бузу, которой былъ нагруженъ возъ,—тай добрая соль.

— Гдѣ жъ ты, сынку, бывалъ...

— Э, тату, бываль въ бывальцахъ, видаль видальцы,—уклончиво отвѣчалъ Кислань.

— Такъ, такъ, сынку,—повторялъ старикъ, понявши, что Омелько не хочетъ отвѣчать на его вопросы.

— А это тоже козакъ?—толкнулъ Трепилецъ сына, указывая на шведа, продолжавшаго окружать себя ѣдкими струйками забористаго тютюну.

— Не тотъ козакъ, тату, что побореть, а тотъ, кто вывернется...

-- Такъ, такъ, сынку!

— Ну и кумедные эти запорожцы,—думалъ старикъ,—слова просто не скажетъ, а все съ вывертомъ! Вотъ, поди, и поговори съ нимъ.

Къ вечеру, распродавъ соль и выпивъ кварту доброй горилки, а другую захвативъ про запасъ, наши чумаки усѣлись втроемъ, съ Трепильцемъ на своемъ возу и медленно потянулись на хуторъ къ старику.

Сзади Ивга правила своимъ возомъ и сквозь облака пыли слышался ея звонкій дѣвичій голосъ — „цобе“, понукавшій воловъ.

Была выпита взятая прозапасъ кварта, стояли на шляху возлѣ корчмы добрый часъ — пока не распили еще кварталы и уже сильно охмелѣвшіе пріѣхали на хуторъ Трепильца.

Какъ ни допытывался старикъ, ничего не могъ толкомъ добиться отъ сына—какъ онъ сталъ чумакомъ и откуда онъ подобралъ себѣ товарища.

— Богъ съ ними, рѣшилъ наконецъ старый хуторянинъ,—дѣло чудное, однако гроши привезли... Будетъ время—сами расскажутъ. Видно, что не розбишаки какіе, не гультаи—при мнѣ деньги честно заработали. Богъ проститъ, если что и было.

Придя къ такому заключенію, Гнатъ Трепилецъ пересталъ беспокоиться и уже не задавалъ сыну никакихъ вопросовъ. Въ сущности старикъ былъ очень доволенъ. Жилъ онъ вдовцомъ, всегда скучалъ, а теперь появилась горилка, пошли попойки. Омелько тренькалъ на бандурѣ, а Юрко оказался такимъ мастеромъ играть на скрипицѣ, что подъ его гопаки и трепаки, ноги стараго Гната сами собой начинали выкидывать разные выкрутасы.

Одно смущало сперва старика—рѣчь бѣлобрысаго Юрка—не похожая ни на польскую, ни на русскую.

— Не нашъ этотъ Юрко, ей Богу не нашъ,—однако крестится и святымъ иконамъ молится—а языкъ будто урѣзанный.

Пробовалъ было Гнатъ спросить сына, что за человекъ Юрко, да только пришлось закрутить головой, услышавши—„человѣкъ Божій, обшить кожей“.

Впрочемъ особенно старикъ объ этомъ не задумывался. Послѣ Полтавской битвы вся Украина была полна пришлыми людомъ самаго разнообразнаго происхожденія. Отсталые отъ полковъ, раненые, больные, бѣглецы тысячами наполняли села, города и хутора Слободской Украины.

Все это говорило на чуждомъ Украинѣ наречіи и простодушные хохлы по своему рѣшали, кто нашъ и кто не нашъ: крестится на церковь, держитъ посты—это „нашъ“, „жретъ“ въ пятницу молоко, не крестится набожно на второй, послѣ перваго „чертогона“, призывный колокольный звонъ—это „не нашъ“.

Юрко въ этомъ случаѣ былъ безукоризненъ.

— Смотри, брагъ Юрко, сразу изъ хаты выгонять, если зайдетъ въ шапкъ—Богу не молясь,—наставлялъ его Омелько.

И шведъ старательно крестился и билъ поклоны наравнѣ съ прочими православными людьми. Трудно было ему различать постные дни, но кое-какъ онъ усвоилъ и это.

Тоскливо и скучно было все-таки на душѣ у бѣднаго шведа и часто онъ, захвативъ скрипицу, уходилъ подальше отъ всѣхъ подъ осыпавшіеся тополи. Пѣла и плакала въ его рукахъ скрипица и легче становилось на сердцѣ.

— Ну и Юрко, —такъ жалобно играетъ, такъ жалобно играетъ,—говорилъ Трепилецъ, при-

слушиваясь къ долетавшимъ до хаты томительнымъ звукамъ.

А Ивга бросала всякую работу и большимъ обходомъ, черезъ тыны и перелазы, прячась въ густомъ пожелтѣвшемъ бурьянѣ поближе подбиралась къ тополямъ.

Сердце билось у ней въ груди, было томительно сладко, какъ зачарованно слушала Ивга странныя тоскующія мелодіи и на сѣрыхъ глазахъ сами собой выступали крупныя слезы.

Иной разъ Ирихъ, услыхавъ шорохъ, круто обрывалъ игру, оглядывался кругомъ, а Ивга, какъ испугнутая куропатка, стремглавъ неслась домой и долго потомъ встрѣчаясь съ Юркомъ, загоралась густымъ румянцемъ.

Иногда Омелько съ Юркомъ снаряжали возъ и отправлялись по ярмаркамъ съ разнымъ „краномъ“. Ыздили они и въ Сумы, и въ Ахтырку и въ Лебединъ.

Изворотливый запорожець дѣйствовалъ на всѣ руки—распродавъ „кранъ“, закупалъ коней, гналъ ихъ на другую ярмарку, оттуда возвращался на третью съ гуртомъ скота—то онъ раскидывалъ ятку съ краснымъ товаромъ, то устраивалъ походную кузницу—ковалъ коней, натягивалъ шины на панскіе рыдваны, наваривалъ шкворни на мужицкіе возы.

Во время ихъ отсутствія Ивга ходила молчаливой, блѣднѣла и спадала съ лица, да и самъ

Гнатъ скучалъ, и, сплевывая табачную слюну, говорилъ— „гдѣ это наши хлопцы? пора бы имъ и домой“.

Пріѣзжая, и Омелько и Юрко всегда являлись не съ пустыми руками. Гнатъ получалъ или сивую шапку или папушу табаку или какой другой гостинецъ, а Ивгѣ доставало или нарядное монисто, или кусокъ штофной узорчатой матеріи, а иногда и просто вызолоченный дукать—смотря по тому, какъ прошла ярмарка.

Ивга благодарила со вспыхнувшимъ лицомъ, прятала гостинцы въ „скрыню“, а Трепилецъ, похлопывая рукой подарокъ, приговаривалъ:

— Добрая штука—да только сухая.

— Размочимъ, тату,—весело озывался Омелько, —у насъ еще есть кухоль горилки.

— Вотъ спасибо, что не забыли, а то на ярмаркѣ, сынку, вамъ вѣрно добрые были мого-рычи.

— Извѣстно, тату. Люди жъ говорятъ—баба не купитъ бича безъ могорыча, а козаки и подавно.

Такъ прошла и зима.

Дохнуло весеннимъ тепломъ. По ярамъ зажурчали ручьи, балки наполнились снѣговой водой. Рѣка Мерло сломала ледъ, вздулась, вышла изъ береговъ и затопила поля, луга и низины.

— Хоть Днѣпру въ пору,—говорилъ Омелько, глядя какъ мутныя волны рѣки плескали и пѣнились грязно-бурой пѣной.

На заводахъ тучами осѣли чайки, гуси, лебеди, утки.

Въ глубинѣ бездонной синевы неба звонко перекликались журавли, мелькали чуть видныя цапли, доносился соколиный клекоть. Мѣрно шагаль среди пашень задумчивый аисъ, стонали болота отъ лягушачьяго „кумъ! кумъ!“, посвистывали на поляхъ овражки.

— Ну, гѣди,—сказаль Омелько, пряча люльку, пошептался съ Юркомъ и оба исчезли, не сказавъ ни слова Гнату. Черезъ день однако явились въ компаніи съ какими-то черномазыми людьми.

— Не то цыгане—не то волохи,—разсматриваль Гнатъ гостей.

На хуторѣ стало шумно. Пили за что-то могоричи, хлопали по рукамъ, о чемъ-то договаривались.

Послѣ веселой попойки были снаряжены возы и Омелько съ Юркомъ—помолясь передъ образами и простившись со старикомъ—тронулись въ путь.

Долго не являлись они, но наконецъ пришли.

Явились они не съ простыми руками—за каждымъ возомъ шло привязанныхъ нѣсколько коней.

— Ну тату,—разсказываль Омелько,—ходили далеко за Донъ—за то и коней на диво достали.

— Куда-жъ ты Омелько съ коньми?

— Въ Харьковъ на ярмарокъ. Тамъ войско слышно на турка собирають, можетъ Богъ и дастъ заработать.

— Такъ, такъ, сынку, кони добрые.

И всѣ, выпивъ по чаркѣ горилки, выходили смотрѣть на горбоносыхъ, тонконогихъ жеребцовъ, сердито прядавшихъ ушами.

Хотя до Харькова было и не такъ далеко, но Омелько и Юрко ѣхали довольно долго съ большими роздыхами, чтобы не заморить продажныхъ коней. Для помощи себѣ въ присмотрѣ за горячими, плохо выѣзженными жеребцами они наняли двухъ хлопцевъ—Юхима и Панаса—изъ сосѣдняго хутора.

Не доѣзжая пятнадцати верстъ до Харькова, Омелько сдѣлалъ привалъ возлѣ Куряжскаго монастыря.

— Тутъ, Юрко, добрый выпасъ и добрая вода, —сказалъ онъ,—помолимся Божьей Матери, что бы дала удалу и прибыль, а кони пока отдохнуть.

-- Хорошо,--отвѣчалъ Юрко,—чѣмъ кони будутъ свѣжѣй—тѣмъ лучше.

День былъ праздничный и возлѣ монастыря было много и воевъ, и рыдвановъ и простого люду и важныхъ пановъ въ городскомъ одѣяннн.

Одѣвшись въ чистенькіе синіе „каптаны“, Юрко и Омелько выслушали службу, приложились къ святой иконѣ Озерянской Божьей Матери, напились святой воды изъ колодца, находившагося въ церкви подъ горой и--отъ нечего дѣлать—принялись разсматривать картины на стѣнахъ колокольни, изображавшія какъ черти гонять дубинками грѣшниковъ въ пекло.

— Ну, пора къ табору, Юрко, пустимъ хлопцевъ, что бы напились святой воды и помолились Божьей Матери.

— Идемъ, Омелько,—отвѣчалъ шведъ, не переставая разглядывать лохматыхъ чертенятъ,— пусть и наши наймиты погуляютъ.

Не успѣли они дойти до возовъ, какъ въ народъ поднялся страшный шумъ.

— Царь! Царь ѣдетъ!—послышались крики. Толпы пришли въ движеніе. И паны, и козаки, и простое посполство— все бѣжало впередъ, оглашая воздухъ радостными привѣтственными криками. На колокольнѣ загремѣлъ радостный ликующій перебой всѣхъ колоколовъ.

Испуганные шумомъ, вздыбились и рванулись кони нашихъ друзей. Опрокинули возъ и поволокли его.

— Ой, Юрко, лихо будетъ!—закричалъ Омелько видя, какъ кони и повозка общимъ клубкомъ выкатились на перерѣзъ царскому поѣзцу.

Но Юрко не слышалъ его.

Мигомъ бросившись въ середину дыбившихся и лягавшихся лошадей, шведъ однимъ взмахомъ ножа перерубилъ недоуздки, привязывавшія ихъ къ задку телѣги,—Омелько слѣдомъ за нимъ уцѣпился за конскія гривы и успокаивалъ коней.

Рыдваны остановились и сбились вмѣстѣ.

Петръ Великій порывисто выскочилъ изъ рыдвана и—усидѣвъ причину задержки—обратился къ собравшейся возлѣ него свитѣ.

— Гетманъ жалуется на недостатокъ людей для сердюцкихъ полковъ, однако я вижу въ здѣшнихъ мѣстностяхъ много преизрядныхъ людей, для войска годныхъ—хотя бы этихъ молодцевъ.

И Государь указалъ на Юрка и Омелька быстро и ловко справившихся съ взбѣсившимися конями.

— Ваше царское величество,—отвѣчалъ старикъ съ умнымъ худощавымъ лицомъ, гетманъ Скоропидскій,—я говорилъ это въ разсужденіи запорожцевъ, просящихъ службы у вашего пресвѣтлаго величества, какъ людей зѣло искусныхъ въ воинскомъ дѣлѣ, каковыхъ у меня дѣйствительно мало, да и эти молодцы не безъ того, чтобы не изъ войска.

Царь нахмурился.

— Запорожцы народъ своевольный и легкомысленный. Для пользы государства я разрѣшаю селить ихъ по слободамъ для умноженія населенія, а въ войско отнюдь не принимать, а если и прійдетъ великая нужда, то употреблять ихъ только на работы, кромѣ особливо вѣрныхъ и достойныхъ... А что ты, гетманъ, говоришь про этихъ,—Петръ кивнулъ головою на Юрка и Омелька,—то мы сами убѣдимся, какого полету сіи птицы.

По мановенію царской руки Омелько и Юрко были подведены къ царю.

Блѣдный какъ смерть, опустился Ирихъ на колѣни, судорожно комкая шапку.

Рядомъ съ нимъ преклонилъ колѣни и Омелько.

— Ты кто такой?

— Омелько Кислань, козакъ Менскаго куреня!

— Гетманъ правъ,—сердито двинулъ бровями
Петръ Великій,—ну, а ты?!

— Юрко Безродный.

Чуткое ухо царя уловило акцентъ отвѣчавшаго.

— А родомъ?

— Шведъ.

— Часъ отъ часу не легче,—сурово прогово-
рилъ Петръ Великій,—что жъ, господинъ шведъ,
изъ плѣну бѣжалъ?

— Нѣтъ, ваше царское величество, въ плѣну
я не былъ, а отъ своего войска больной отсталъ
и съ тѣхъ поръ торгую съ товарищемъ.

— Ваше царское величество,—билъ между
тѣмъ поклоны Омелько,—за нами нѣту никакой
вины и живемъ мы только, что царскимъ полкамъ
коней приводимъ. Вотъ и сейчасъ ведемъ коней
на продажу для войска.

Гнѣвъ царя улегся. Государь видѣлъ, что пе-
редъ нимъ два простые человѣка, занимающіеся
мирнымъ и полезнымъ промысломъ. Правда, царь
былъ безпощаденъ къ запорожцамъ, но это каса-
лось только тѣхъ, кто составлялъ опору Орлика,
Гордіенка и Мазепы, а преслѣдовать и тѣснить
мирный элементъ было не въ его духъ.

Поговоривъ немного съ продолжавшими стоять на
колѣняхъ Юркомъ и Омелькомъ, Царь подозвалъ къ
себѣ гетмана и веселымъ тономъ сказалъ ему.

— Хотя отъ бывшихъ запорожцевъ вѣрной службы намъ уповать и впредь нечего, но опасаться великаго худа, этихъ двухъ—склонясь на твои доуки, гетманъ, непрестанныя о неимѣннїи сердюковъ, разрѣшаемъ—яко добро пристойными людей—записать на службу, давъ имъ немалые на прокормленіе уряды. Приведи ихъ къ крѣпкой присягѣ, а господина Шведова, ежели изъявитъ охоту, то и окрести.

Народъ зашумѣлъ, заволновался. Царь укатилъ далѣе, а Омелько и Юрко продолжали стоять—какъ одурманенные—на колѣняхъ.

Долго не могъ дождаться Гнатъ Трепилецъ Омелька.

— Что они такъ задержались,—разсуждалъ старикъ,—Харьковъ не за горами—пора бы и вернуться.

Ивга тоже томилась. Бѣдная дѣвушка похудала, осунулась и часто ходила съ красными отъ слезъ глазами.

Но пришелъ конецъ и ихъ ожиданію.

Сперва Трепилецъ никакъ не могъ узнать своихъ въ видѣ двухъ бравыхъ гетманцевъ, подѣхавшихъ къ его хутору.

— Тату! Боже мой! Та это жъ наши! Юрко! крикнула во весь голосъ Ивга, схватившись за грудь.

Отъ волненія у нея захватило дыханіе.

— Эге! Наши! И Омелько!—распозналъ наконецъ старихъ пріѣхавшихъ.

— Ну, тату, уѣхали крамари, — весело кричалъ Омелько, а вернулись ясновельможнаго гетмана сердюки — Кислань да Шведовъ.

— Какой Шведовъ?

— А тотъ, что былъ Юркомъ Безроднымъ... Нѣтъ уже Безроднаго, а по царскому слову Юрко Шведовъ.

Весь день подробно рассказывалось и повторялось на хуторѣ все случившееся въ Куряжѣ.

Какъ былъ сперва грозень царь и какъ сталъ милостивъ. Какъ крестили Юрка въ Куряжѣ и какіе вельможные паны были воспріемниками.

А затѣмъ на хуторъ пришли два почтенныхъ сосѣда, завели рѣчь про „лисицу и охотника да про красную дѣвицу“, а Ивга на окрикъ Трепильца — „а ну, доню, неси рушники“ — перевязала ихъ полотенцами и черезъ недѣлю изъ Ивги Трепильцевой стала Ивгой Шведовой.

Юрко Шведовъ долго и честно служилъ своему новому государю пока раны не заставили его выйти изъ полка и поселиться на хуторѣ тестя.

Поколѣніе его долгое время занимало видное положеніе среди слободскаго мѣщанства — сохраняя изъ рода въ родъ — память о происхожденіи предка и только въ концѣ прошлаго столѣтія угасъ послѣдній представитель этой фамиліи.

А. Витинъ.